

На правах рукописи

Шаховцов Кирилл Геннадиевич

**Этническая идентификация южных селькупов
(XX — начало XXI века)**

Специальность: 07.00.07 — этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Москва — 2007

Работа выполнена в Отделе Севера и Сибири Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук Д.А. Функ

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук С.С. Савоскул, Институт этнологии и антропологии РАН

кандидат исторических наук Т.Б. Уварова, Российский государственный гуманитарный университет

Ведущая организация:

Кафедра археологии и этнологии Историко-географического факультета Томского государственного педагогического университета

Защита состоится 23 октября 2007 г. в 14:30 на заседании диссертационного совета К.002.117.01 Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН по адресу: 119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32А, корп. В. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института этнологии и антропологии РАН.

Автореферат разослан 23 сентября 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук

О.Б. Наумова

Общая характеристика работы

Открывшиеся в постсоветский период благоприятные возможности для этнологического / этнографического изучения современной жизни коренных малочисленных народов Крайнего Севера и Сибири выявили массу ранее остававшихся в тени граней научных дискурсов. Одной из наиболее активно обсуждаемых в отечественной и зарубежной социальной антропологии стала тема трансформации этнической идентификации и самоидентификации народов Севера и Сибири, причем не только в настоящее время, но и на протяжении длительного времени, предшествующего тому, что сейчас часто называют «постсоветским периодом». Обращение к историческим материалам, к данным по исторической демографии, к анализу самых разнообразных источников, в том числе и полевых этнографических материалов, позволяет раскрыть специфику трансформационных и адаптационных процессов, происходящих буквально на наших глазах. С этой точки зрения показательным может стать обращение к материалам по этнической самоидентификации селькупов.

Актуальность исследования. Проблема этнической идентификации — в т.ч. самоидентификации — является одной из центральных в современной этнологии. В постсоветский период она стала особенно актуальна для многих малочисленных народов Севера и Сибири.

Селькупы — единственный из южносамодийских народов, сохранившийся до настоящего времени. Общая их численность в пределах Российской Федерации по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. составляла 4249 чел.¹ Селькупы расселены двумя дискретными ареалами: первый охватывает Александровский, Верхнекетский, Каргасокский, Колпашевский и Парабельский районы Томской области, второй включает в себя Красноселькупский район Ямало-Ненецкого автономного округа, восток Ханты-Мансийского автономного округа и Туруханский район Красноярского края. Селькупы, проживающие в пределах первого ареала, обычно именуется в литературе южными или нарымскими, в пределах второго — северными. В состав обеих больших этнотерриториальных группировок селькупов входят различные по численности и происхождению локальные группы, до сих пор сохраняющие некоторые отличительные черты культуры² и самосознания.

Практически полностью утратившие к настоящему времени родной селькупский язык и то, что принято именовать «характерными чертами традиционной культуры и быта», южные селькупы в последние десятилетия демонстрируют своеобразный (хотя в чем-то и типичный) пример формирования этнической самоидентификации, казалось бы при полном отсутствии для этого каких бы то ни было способствующих обстоятельств и факторов. Еще в 1988 г. В.И. Васильев отмечал, что на территории традиционного расселения южной группы селькупов «создалась уникальная ситуация, почти не имеющая аналогов в других регионах СССР: народ, обладающий этническим самосознанием, но без традиционной культуры и родного языка — на севере Томской области и полное обрусение значительной части этого народа — в южных района той же области» [Васильев, 2007б:125].

1 Здесь и далее численность по переписи 2002 года приводится по данным, опубликованным Федеральной службой статистики на сайте www.perepis2002.ru.

2 В первую очередь это относится к северным селькупам, в большей степени сохраняющим традиционные элементы культуры, чем южные, подвергшиеся сильному ассимилирующему влиянию пришлого — в основном русского — населения.

В целом ряде научных работ, не говоря уже о СМИ, стало общим местом сведение всех такого рода типов задеирования, или «внезапной» активизации одного из уровней этнической идентификации — особенно применительно к малочисленным народам Севера — лишь к пресловутым льготам для «северян», либо к иной, но не менее занимательной научной мифологеме, связанной с выпячиванием роли советских и российских этнографов в «изобретении новых народов» (см. напр., работу Д. Хорн [Horn, 2002]; также [Кошелева, 2005]).

Историографический очерк. Первые научные сведения о южных (нарымских, томских, обских, кетских) селькупках можно найти в дневниках Г.Ф. Миллера [Миллер, 1996] и его труде «История Сибири» [Миллер, 1999], выделившего их из числа всех остяков и впервые указавшего на близость их к самоедам. В сочинениях авторов, ранее посещавших Нарымский край, например Н.Г. Милеску-Спафария, проехавшего в 1675 г. по Оби и Кети, все группы, называемые русскими *остяками*, считались единым народом даже несмотря на различия в языке и самоназвании [Спафарий, 1882]. Большую научную ценность представляют собранные в середине XIX в. М.А. Кастреном сведения о расселении, языке и социальной организации селькупов. В начале XX в. на территории современной Томской области работали финские исследователи У.Т. Сирелиус и К. Доннер.

В 1920-е годы начинаются первые полевые исследования среди селькупов, результаты которых опубликованы в работах Л.Н. Добровой-Ядринцевой, Е.Н. Орловой, М.Б. Шатилова и содержат сведения об экономике, бытовом укладе, межэтнических контактах и численности селькупов. Вопросам семейных отношений, материальной культуры и экономики северных (тазовских) селькупов посвящены статьи В.Н. Скалона [Скалон, 1930, 1931].

Большое значение в истории селькуповедения имеют работы Г.Н. Прокофьева, занимавшегося изучением как традиционной культуры и быта селькупов [Прокофьев, 1929, 1931], так и селькупского языка [Прокофьев, 1935, 1937] (и самодийских языков в целом), разработкой селькупской письменности. Одна из его работ посвящена вопросам этногенеза народов Обь-Енисейского бассейна [Прокофьев, 1940]. Благодаря его деятельности в науке и административной практике утвердилось современное наименование народа — «селькупы», заменившее «старый термин „остяко-самоеды“, или просто „остяки“, который применялся ранее» [Морев, 1999:145].

Е.Д. Прокофьева в своих исследованиях затрагивала весьма широкий круг проблем этнографии селькупов. Целый ряд ее статей посвящен вопросам традиционного хозяйства и материальной культуры [Прокофьева, 1947, 1949, 1950], а также традиционному («старому») мировоззрению селькупов и их религиозным представлениям [Прокофьева, 1961, 1976, 1977]. Для академического тома «Народы Сибири» ею написан первый обобщающий историко-этнографический очерк [Прокофьева, 1956], в котором она рассматривает вопросы традиционной культуры, хозяйства, этнической истории и этнических процессов, протекающих у селькупов. Также Е.Д. Прокофьевой написана статья о социальной организации селькупов [Прокофьева, 1952], в которой она на материале северных и части южных селькупов выдвинула гипотезу о существовании у них в прошлом дуально-фратриальной организации.

Большой вклад в изучение этнографии селькупов внесла Г.И. Пелих. В своих работах она обращалась к изучению различных аспектов селькупской культуры. Ее перу принадлежат статьи по вопросам социальной организации [Пелих, 1954, 1955,

1961, 1963], семейно-брачных отношений [Пелих, 1962], типологии жилища [Пелих, 1966]. На основе собранного за несколько десятилетий научной деятельности материала Г.И. Пелих создан ряд обобщающих работ, посвященных этногенезу [Пелих, 1972] и социально-экономической истории селькупов [Пелих, 1981].

Начиная с 1970-х годов выходят статьи И.Н. Гемуева, посвященные расселению и материальной культуре селькупов [Гемуев, 1973; Гемуев, Соловьев, 1984; Хороших, Гемуев, 1980]. Однако наиболее углубленно в работах И.Н. Гемуева исследуются вопросы социальной организации и социальных отношений [Гемуев, 1972, 1980, 1983, 1984], по которым им собрано значительное количество полевых и архивных материалов. По результатам своих многолетних исследований семьи, семейных отношений и семейной обрядности у селькупов И.Н. Гемуевым опубликована специальная монография [Гемуев, 1984], раскрывающая эволюцию форм семьи у селькупов, особенности семейно-брачных отношений и деятельности селькупской семьи как хозяйственного коллектива.

Помимо И.Н. Гемуева к изучению проблем социальной организации селькупов обращались З.П. Соколова [Соколова, 1970], В.Г. Бабаков [Бабаков, 1973]. В.В. Лебедев занимался вопросами брачно-родственных связей и семьи у тазовских селькупов [Лебедев, 1978, 1980], им также написана обобщающая работа по этнокультурной истории северных селькупов [Лебедев, 1988].

К изучению традиционного жилища селькупов на разных этапах обращались Е.Д. Прокофьева [Прокофьева, 1947], Г.И. Пелих, С.В. Лезова [Лезова, 1988], З.П. Соколова [Соколова, 1998], Н.А. Тучкова [Тучкова, 1999]. Исследование селькупского орнамента, начатое Е.Д. Прокофьевой [Прокофьева, 1950], продолжилось в работах Г.И. Пелих, в монографии которой «Происхождение селькупов» [Пелих, 1972] «орнамент предстает как критерий выделения этнических компонентов в традиционной культуре этноса» [Рындина 1999:154], а также Н.В. Лукиной и О.М. Рындиной, посвященных взаимодействию восточнохантыйской и южноселькупской орнаментальных традиций [Лукина, 1984; Рындина, 1988, 1995, 1999], отражению в распространении орнаментальных мотивов бурных миграций, имевших место в Среднем Приобье в XVII в.

В последние десятилетия внимание исследователей привлекали различные аспекты этнографии как северных [Бауло, 1980; Козьмин, 1983; Лезова, 1988], так и южных [Кулемзин, 1999; Рындина, 1988, 1990, 1999] селькупов. В диссертации Н.А. Тучковой [Тучкова, 1999] рассматривается проблематика обжитого пространства (жилище и поселение) южных селькупов.

Помимо этнографов селькупская проблематика изучается и представителями смежных научных дисциплин. Много сделано в изучении селькупского языка. А.И. Кузьминой написана обобщающая работа, посвященная селькупской грамматике [Кузьмина, 1974]. Разработана диалектная система селькупского языка [Морев, 1973; Хелимский, 1988]. Сотрудниками Лаборатории языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета составлены словари и учебные пособия по некоторым южноселькупским диалектам (Ким, Беккер, Морев, Купер, Быконя и др.). Продолжается изучение современной языковой ситуации у селькупов [Морев, 1985, 1991, 1999]. Ценный материал по антропонимии селькупов собран С.М. Малиновской [Малиновская, 1987, 1989, 1999].

Впервые археологические данные о селькупах и их предках были опубликованы в работах А.П. Дульзона [Дульзон, 1955, 1957]. Результаты активных археологических раскопок 1970-х — начала 1990-х годов представлены в

многочисленных публикациях Л.А. Чиндиной [Чиндина, 1977, 1978, 1984, 1991, 1999], А.И. Бобровой [Боброва, 1980, 1982, 1984, 1990, 2000].

Ряд специальных работ посвящен антропологическому изучению селькупов [Дебец, 1947; Розов, 1956, 1958; Дремов, 1967, 1980; Аксянова, 1999].

Следует отметить, что исследования 1920-х — 1930-х годов нередко были связаны с проводившимися в то время земле- и водоустроительными работами, организацией туземных советов (так напр., Е. [Д.] Прокофьева в 1932 г. участвовала в работе землеустроительной экспедиции в Тымском районе), что в известной мере обусловило их тематику.

Хронологически работы значительного числа исследователей ограничены второй половиной XIX — началом XX в. [Гемуев, 1980б, 1984б; Пелих 1954, 1961, 1963а, 1966; Прокофьева 1976, 1977; Тучкова, 1999; Шаргородский, Тихонов, 1992; и др.], большинство же работ, имеющих иные хронологические рамки, посвящено еще более раннему периоду этнической истории селькупов (XVI — XVIII вв. и ранее) (Бабаков, Боброва, Пелих, Гемуев, Дульзон, Соколова).

Значительно меньшее число этнографических описаний и исследований посвящены современным их авторам процессам и явлениям. Во второй половине 1920-х гг. были опубликованы работы М.Б. Шатилова [Шатилов, 1927], Е.Н. Орловой [Орлова, 1926, 1928]. Следующей публикацией, основанной на современном автору материале, стала вышедшая в 1961 г. статья З.П. Соколовой «О некоторых этнических процессах, протекающих у селькупов, хантов и эвенков Томской области» [Соколова, 1961].

Различные вопросы этнографии селькупов на современном этапе их этнического развития рассматриваются в работах В.И. Васильева [Васильев, 1985, 1991], Л.Т. Шаргородского [Шаргородский, 1988, 1989, 1990, 1992; Шаргородский, Самойленко 1992; Шаргородский, Тихонов 1992], В.М. Кулемзина [Кулемзин, 1999а, 1999б], Г.А. Аксяновой [Аксянова, 1999; Аксянова, Шпак, 2000], Е.Ю. Кошелевой [Кошелева, 2000, 2004, 2005].

На основе обширного полевого и архивного материала, собранного во время работы в составе Комплексной селькупской экспедиции под руководством В.И. Васильева, Л.Т. Шаргородским написана обобщающая монография «Современные этнические процессы у селькупов» [Шаргородский, 1994]. В этой работе автор рассматривает этнические процессы, протекавшие как у северных, так и у южных селькупов, в конце XIX — начале XX в. и во второй XX в. (в основном в 1970-е — начале 1980-х годов), оставляя между рассматриваемыми периодами разрыв примерно в 40—50 лет.

Цели и задачи работы. Настоящее исследование ставит целью *рассмотреть процессы трансформации этнической идентификации южных селькупов в XX — начале XXI в.* Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

- 1) максимально полно выявить архивные источники по численности и расселению нарымских селькупов на протяжении XX и начала XXI в.;
- 2) проанализировать особенности расселения нарымских селькупов и основные демографические показатели по данным переписей с 1897 г. и до настоящего времени;
- 3) рассмотреть статистические и литературные данные, характеризующие заключаемые селькупскими браки, специфические трансформации хозяйства и

культуры как основу для дальнейших трансформаций этнической самоидентификации во второй половине XX в.;

- 4) выявить все термины официальной идентификации, применявшиеся и применяемые по отношению к нарымским селькупам, чтобы продемонстрировать, с одной стороны, сложность реальной этнической идентификации, а с другой, недостаточность официальных подходов к составлению перечней наименований народов и этнических групп;
- 5) проанализировать культурные и политико-экономические аспекты трансформации современной этнической самоидентификации нарымских селькупов.

Хронологические и территориальные рамки исследования. Работа посвящена, в первую очередь, изучению процессов трансформации этнической идентификации южных селькупов в конце XX — начале XXI в., что оказалось невозможным без обращения к материалам предшествующего периода (конец XIX — середина XX в.). Таким образом предлагаемое исследование охватывает временной промежуток с 1897 г. (первая Всероссийская перепись населения) по 2006 г.

Территориальные рамки работы определены ареалом расселения южных селькупов в XX в. в пределах современной Томской области.

Объект и предмет исследования. Объектом данного исследования является южная (нарымская) группировка селькупов (в первую очередь, сельское население). В настоящее время южные селькупы представляют собой группу сильно метисированного населения [Аксянова, 1999], расселенную на обширной территории пяти северных районов Томской области. Численность ее в 1989 г. составляла 1347 чел.³, к 2002 г. она возросла до 1787 чел.

Предмет исследования составляют протекающие в настоящее время у селькупов процессы трансформации их этнической (само)идентификации, точнее — культурные и политико-экономические аспекты данных трансформаций.

Методы исследования. Основным использованным при написании диссертационной работы методом стал сравнительно-исторический метод исследования с использованием в ряде случаев метода исторических реконструкций. В диссертации также удалось продемонстрировать преимущества организации всех статистических материалов в соответствии с современным административно-территориальным делением Томской области⁴. Такой подход впервые позволил получать срезы данных за любой предшествующий либо последующий период, пригодные к сопоставлению с данными статистического наблюдения последней четверти XX — начала XXI вв.

В полевой работе применялись методы опроса, свободного и

3 Л.Т. Шаргородский приводит цифру 1386 чел. [Шаргородский, 1994:6]

4 Несмотря на стабильность границ современных районов (административно-территориальное деление Томской области не изменялось с 7 января 1965 года [Вехи патернализма..., 2006:414]), существует теоретическая вероятность их изменения в будущем, что потребует нового перерасчета использованных данных. Однако легко можно убедиться, что ни один из ранее существовавших — ныне упраздненных и в силу этого неизменных — вариантов административного деления не обладает сколько-нибудь значительными преимуществами перед современным. Наиболее уязвимым для критики представляется использование в качестве точки отсчета административно-территориального деления на инородческие волости и управы конца XIX — начала XX в., так как они не являлись в строгом понимании *территориальными* единицами, поскольку далеко не всегда имели точно определенные границы, и в некоторых случаях находились на тех же землях, что и крестьянские волости (в основном это касалось волостей, располагавшихся в нижнем течении крупных обских притоков и на берегах самой Оби).

ориентированного интервью и наблюдения. Полевой материал фиксировался также на фотопленку и с помощью диктофона. В ходе полевых исследований были получены копии такого ценного источника по современному социально-экономическому положению населения как похозяйственные книги.

Для обработки статистических данных, таких как результаты переписей населения, отчеты сельских советов и землеустроительных партий, похозяйственные книги, использовалась свободно распространяемая система управления базами данных PostgreSQL, являющаяся более гибким и универсальным инструментом по сравнению с часто используемыми в тех же целях программами обработки электронных таблиц.

Теоретический контекст исследования определяется традицией в социальной антропологии, заложенной авторами сборника «Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Differences», основные подходы которой были сформулированы во введении, написанном норвежским антропологом Ф. Бартом [Barth, 1969]. Перенесение внимания исследователя с каталогизации компонентов «культурного материала, который в любой конкретный момент времени ассоциируется с той или иной группой народонаселения» на принципы и способы поддержания ее границ как изнутри, так и извне, позволяет «определить природу непрерывности и сохранности» этнических групп [Барт, 2006:48].

В контексте диссертации особенный интерес представляет «процесс рекрутирования в состав группы, определения и сохранения ее границ», свидетельствующий, что «этнические группы и их характеристики являются результатом исторических, экономических и политических обстоятельств и ситуативных воздействий» [Тишков, 2003:105]. Поэтому значительная часть диссертации посвящена таким событиям и процессам, извне участвовавшим в формировании воспринимаемой этнической границы между селькупам и их иноэтничным окружением, как организация системы СибЛАГа в начале 1930-х годов или послевоенное промышленное освоение традиционных селькупских земель и бюрократическая категоризация селькупов в качестве одного из коренных малочисленных народов Севера (КМНС).

Источники. В качестве источников в настоящей работе использовались:

Полевые материалы, собранные за время шести экспедиционных выездов в Томскую область в 1999—2006 годах:

- 1999 г. — д. Иванкино, п.г.т. Тогур, г. Колпашево (Колпашевский район), с. Степановка (Верхнекетский район);
- 2000 г. — с. Каргасок (Каргасокский район), с. Парабель, д. Толмачево, с. Нарым, д. Тюхтерево (Парабельский район), д. Иванкино, г. Колпашево (Колпашевский район);
- 2001 г. — с. Каргасок, с. Напас, п. Молодежный (Каргасокский район), с. Парабель, д. Толмачево, д. Мумышево, с. Нарым, д. Тюхтерево (Парабельский район), д. Иванкино, с. Тогур, г. Колпашево (Колпашевский район), п.г.т. Белый Яр, с. Степановка, д. Максимкин Яр (Верхнекетский район);
- 2002 г. — с. Новый Васюган, с. Каргасок (Каргасокский район), с. Парабель (Парабельский район), г. Колпашево (Колпашевский район), п.г.т. Белый Яр, п. Клюквинка (Верхнекетский район);
- 2003 г. — с. Каргасок, с. Напас (Каргасокский район), г. Колпашево (Колпашевский район), п.г.т. Белый Яр, п. Клюквинка (Верхнекетский район);

— 2006 г. — г. Колпашево, с. Павлов мыс (Колпашевский район), п.г.т. Белый Яр (Верхнекетский район).

Результаты переписей населения 1897 (в разработке С.К. Патканова), 1959, 1970, 1979, 1989 и 2002 г., а также статистико-экономического обследования Нарымского края, проводившегося в 1910—1911 гг. под руководством В.Я. Нагнибеды.

Всесоюзная перепись населения 1926 г., обычно считающаяся наиболее свободной от идеологического диктата среди всех переписей, проводившихся за годы Советской власти [Соколовский, 2004:52], в случае южных селькупов оказывается за пределами круга информативных источников об их численности и расселении, поскольку учитывала селькупов и хантов в составе единой категории *остяков*. Вместо данных этой переписи в работе использовались сведения о численности селькупов, собранные Е.Н. Орловой в 1925 и 1927 гг. [Орлова, 1926, 1928]. Также не попадает в число источников и Приполярная перепись 1927 г., не охватывавшая территорию современной Томской области [ПППС, 1929:V].

Архивные материалы, хранящиеся в Научном архиве Томского объединенного краеведческого музея (НА ТОКМ), Центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО; до 1992 г. — Архив Томского областного комитета КПСС), Верхнекетском, Каргасокском и Парабельском муниципальных архивах и Архивном отделе Администрации Колпашевского района.

Большую ценность представляют сведения о селькупах, хантах, эвенках, содержащиеся в документах землеустроительных экспедиций начала 1930-х годов, хотя они сильно разнятся по своему составу, объему и качеству. в целом для этой группы источников характерно очень подробное описание территорий «землеустройстваемых» сельских советов, включающее характеристику путей сообщения, промысловых угодий, размещение населения, его занятия и «процент коллективизации».

Наиболее детально сведения о «туземном населении» представлены в проектах землеустройства туземных советов, расположенных в бассейнах р. Кети [НА ТОКМ, оп. 3, д. 48] и р. Тыма [НА ТОКМ, оп. 3, д. 208]. Их авторы собрали информацию не только о численности, расселении, занятиях *остяков*, *тунгусов* и *остяко-самоедов*, но и о численности представителей локальных групп последних в пределах территории рассматривавшихся туземных советов, с указанием их самоназваний. Однако авторы «Окончательного проекта землеустройства бассейна реки Васюгана Каргасокского района Нарымского округа» [НА ТОКМ, оп. 3, д. 209] из всей массы коренного населения выделяли лишь эвенков (*тунгусов*) в виду их кочевого образа жизни, селькупы и ханты в этом документе совокупно названы *туземцами*.

Интересной группой источников (впервые вводимой в научный оборот) являются поступившие в 1961 г. в Томский обком КПСС отчеты различных областных и районных организаций о выполнении принятых в марте 1957 г. постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 300 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» и Совета Министров РСФСР № 501 «О дополнительных мероприятиях по развитию экономики и культуры народностей Севера» [ЦДНИ ТО, ф. 607, оп. 1, д. 3100]. Эти отчеты содержат сведения о численности и характере расселения КМНС в Томской области на рубеже 1950—1960-х годов, их занятиях, здоровье и бытовых условиях, а также о степени интеграции в советское общество того времени. По своей информативности

эта группа источников весьма неоднородна.

Материалы текущей статистики по районам проживания южных селькупов, полученные в районных представительствах Томского областного комитета государственной статистики.

Научная новизна предлагаемой диссертационной работы заключается в выявлении и использовании обширных архивных статистических материалов, в демонстрации новых подходов к организации и машинной обработке массовых источников, а также в привлечении новых полевых материалов, в целом позволяющих максимально подробно и конкретно рассматривать процессы трансформаций этнической идентификации южных селькупов на значительном временном отрезке.

Работа представляет собой первое в российской этнологии комплексное этноисторическое исследование процессов трансформации этнической идентичности южных селькупов на широком временном отрезке с конца XIX до начала XXI в. В работе удалось выявить и проанализировать основные демографические, культурные и политико-экономические аспекты данного рода трансформаций у всех территориальных групп южных селькупов, впервые рассмотрев их как непрерывные процессы, в отличие от подхода авторов работ предшествующего периода (Г.И. Пелих, И.Н. Гемуев, Л.Т. Шаргородский), рассматривавших данные процессы как набор описываемых и анализируемых фиксированных состояний (иногда разделенных значительными временными промежутками) и предполагаемых переходов между ними.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы были представлены автором в ряде научных публикаций, а также обсуждены в Отделе Севера и Сибири ИЭА РАН и на российских и международных конференциях:

- международный научный семинар по теме «Постсоветские политические и социально-экономические трансформации у коренных народов Севера России» (Швеция, г. Упсала, май 2002 г.);
- конференция молодых ученых (Москва, ИЭА РАН, декабрь 2005 г.).

Основной объем исследования был выполнен в рамках проектов «Post-Soviet Political and Socio-economic Transformation among the Indigenous Peoples of Northern Russia: Current Administrative Policies, Legal Rights, And Applied Strategies» (грант Юбилейного фонда Банка Швеции, 2001—2004 гг.; руководитель Проекта — проф. Х. Бич), «Коренные народы Севера и Сибири в условиях глобализации: адаптационные стратегии и практики» (2006—2007 гг.; руководитель проекта Д.А. Функ; проект выполняется в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям») и «Этническая демография народов Севера и Сибири: создание компьютерной информационной системы для этнологических исследований» (грант РФФИ, 2007 г.; руководитель проекта — Д.А. Функ).

Диссертация была обсуждена 4 сентября 2007 г. на заседании Отдела Севера и Сибири Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и рекомендована к защите.

Структура работы. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка использованных архивных источников и литературы. Карты, таблицы и иллюстрации помещены в тексте диссертации.

Основное содержание работы

Во **Введении** раскрывается степень изученности темы, определяется актуальность исследования, рассматриваются хронологические и территориальные рамки, объект и предмет, методы исследования, характеризуются использованные источники, определяются цели и задачи работы, обосновывается ее научная новизна, характеризуется степень апробации работы и структура диссертации.

В **Главе I. «Южные селькупы в первой половине XX века: расселение, численность, миграционные процессы»** рассматриваются расселение и численность южных селькупов с 1897 г. до середины XX в. и анализируются миграционные процессы, протекавшие в указанный период на территории современной Томской области и вызвавшие существенные изменения в структуре расселения селькупов, а также хантов и эвенков. Все статистические данные представлены в пересчете применительно к современному административно-территориальному делению Томской области. Глава делится на два раздела по хронологическому принципу.

В первом разделе **«Южные селькупы в материалах первой Всероссийской переписи населения»** обосновано использование данных первой Всероссийской переписи населения 1897 г. в разработке С.К. Патканова в качестве исходной точки для отслеживания последующих изменений. Расселение и численность южных селькупов представлены с разбивкой по современным районам. Для большего удобства сопоставления с материалами начала XX в. сохранена дополнительная группировка данных по принципу нахождения тех или населенных пунктов на территории Нарымского края или за его пределами.

Расчеты, сделанные на основании опубликованных С.К. Паткановым результатов переписи 1897 г., дают следующие примерные значения численности *остяко-самоедов* (селькупов) в Томском округе: всего в округе 4820 чел., из них 2617 чел. в пределах Нарымского края, в остальных волостях округа и городе Томске — 2203 чел.

В 1897 г. на территории современного *Каргасокского района* в шести инородческих волостях проживали 788 селькупов, 616 хантов и 197 русских (всего 1601 чел.). Из 81 поселка, входившего в состав этих волостей лишь два имели чисто русское население: это выселок Киндал Нижне-Подгородной второй половины и юрты⁵ Висков Яр первые Тымской первой половины инородческих волостей. В русских селениях Парабельской крестьянской волости проживали 104 селькупа и 14 хантов, русское население волости составляли 5194 чел.

Общая численность населения девяти инородческих волостей в пределах современного *Парабельского района* в 1897 г. составляла 722 чел., в том числе 604 селькупа, 25 хантов и 93 русских.

На территории современного *Колпашевского района* в конце XIX в. проживали 7330 чел., из числа которых 1215 чел. (в том числе 1067 селькупов и 147 русских) проживали в 42 юртовых селениях десяти инородческих волостей, а остальные — в селениях Кетской крестьянской волости.

Численность населения пяти инородческих волостей, находившихся на территории современного *Верхнекетского района* в конце XIX в., составляла 491 чел., среди них было 445 селькупов и 46 русских. Наиболее ощутимым присутствием русского населения на р. Кеть было в селе Максимояровском

5 В документах XIX — начала XX вв. *юртами* называются «инородческие» селения.

Ишталовской инородческой волости (38 чел.).

Часть населенных пунктов Четвертой Парабельской инородческой волости в бассейне р. Кёнги находились на территории современного *Бакчарского района*, это четыре поселка: юрты Кюньданак, Покотонак, Чвурги и Ненганак — и, возможно, некоторые «заимки частных лиц». В этих поселках проживали 54 чел. (только селькупы), объединенные 12 хозяйств. Русское население этой части волости (9 хозяйств, 55 чел.) жило на заимках.

В пределах *Чаинского района* находились три населенных пункта, относившихся к Чаинской, и четыре — к Корткульской инородческим волостям, с населением из 242 чел., среди которых было 28 русских, 209 селькупов и 5 хантов, учтенных в составе 47 хозяйств.

Значительная часть (более 45%) южных селькупов населяла часть территории современной Томской области, находившуюся *за пределами Нарымского края*, по современному административно-территориальному делению относящуюся к Александровскому, Молчановскому, Кривошеинскому и Томскому районам.

В конце XIX в. в 21 населенном пункте пяти инородческих волостей на территории современного *Молчановского района* проживали 1354 чел. в составе 263 хозяйств, из них 368 русских и 892 селькупа. В русских селениях Николаевской волости переписью учтены 100 селькупов (из них 39 в селе Молчановском) и 67 тюрков, общая численность населения волости — 6287 чел.

Общая численность инородческого населения в девяти населенных пунктах, располагавшихся на землях современного *Кривошеинского района*, составляла 735 чел. (107 русских, 472 селькупа и 143 тюрка), которые были объединены в 133 хозяйства.

Селькупское население современного *Томского района* состояло только из 3 чел., которые проживали в юртах Салтанакских, где также числились еще 85 тюрков и 29 русских (всего 120 чел.) в 18 хозяйствах.

Следует также упомянуть о двух группах «остяко-самоедов», которые в конце XIX в. занимали земли непосредственно у границ современной Томской области. С.К. Патканов в примечании к таблицам по Сургутскому округу писал о существовании в верховьях р. Вах Каракольской инородческой волости, состоявшей из двух селений. Население этой волости (45 чел.) он склонен был связывать с самоедами, указывая на «самоедский характер» названий юрт и их сходство с названиями населенных пунктов в Туруханском и Нарымском краях [Патканов, 1912:127]. Л.Т. Шаргородский рассматривал группу ваховских селькупов совместно с тазовско-туруханскими [Шаргородский, 1994:24] в составе одной из пяти этнотерриториальных групп северных селькупов.

Вторая группа населяла верховья р. Кети выше юрт Орлюковых, в настоящее время относящиеся к Красноярскому краю. Переписью 1897 г. там зафиксированы в составе Надско-Пумпокольской инородческой управы, «присоединенной к русской Яланской волости», восемь населенных пунктов, жителями которых были почти исключительно селькупы: 116 чел. из 118. Несмотря на то, что в таблице С.К. Патканова при названии каждого из этих селений стоит пометка «при р. Кети», Л.Т. Шаргородский указал данную инородческую управу среди административных родов северных селькупов [Шаргородский, 1994:22], более нигде о ней не упоминая.

Во втором разделе «*Миграции и демографическая ситуация в первой половине XX века*» рассматриваются различные миграционные процессы,

происходившие в указанное время как в среде самих южных селькупов, так и у соседних с ними народов, в том числе и у численно преобладающего русского населения, и их влияние на расселение южных селькупов.

По наблюдениям ряда исследователей, в начале XX в. шел начавшийся еще в середине XIX в. процесс образования новых селькупских юрт в первую очередь путем дробления уже существовавших относительно крупных приобских поселков [Тучкова, 1999:120—121]. Е.Н. Орлова в середине 1920-х годов отмечала сохранение тенденции «к размельчению селений у остяков» в бассейне Васюгана, полагая ее «непосредственным следствием характера их хозяйства» [Орлова, 1926:70—71].

Одновременно с этим в начале XX в. происходило переселение части селькупов с берегов самой Оби, «которая вот уже 20 лет дает переселенческий туземный контингент, теснимый в притоки с Оби заселяющими ее русскими» [Орлова, 1928:41], в верховья крупных обских притоков (Васюгана, Кети, Парабели, Тыма, Чай).

Вероятно, в результате этого движения к концу 1900-х годов возникли селькупские юрты и заимки по берегам рр. Парбига, Бакчара, Иксы, Галки и Тетеренки, не отмеченные в более ранних источниках [Тучкова, 1999:162].

Влияние русской колонизации на жизнь селькупов и хантов бассейна Васюгана в начале XX в. можно в некоторой степени оценить по сведениям, собранным в 1925 г. Е.Н. Орловой, а также по материалам «Окончательного проекта землеустройства бассейна реки Васюгана Каргасокского района Нарымского округа», составленного в 1933 г. Е.Н. Орлова одной из первых указала на кардинальные изменения, произошедшие к середине 1920-х годов в составе и размещении населения в бассейне Васюгана (левобережная часть современного *Каргасокского района*) по сравнению с концом XIX — началом XX в. Национальный состав населения она характеризует следующим образом: «в 1902 г. в Васьюганье мы имеем: 920 жителей, из них остяков — 860 чел. Русских на Чежапке не было, а по Васьюгану — всего 60 чел. В то время, как сейчас мы находим русских 688 чел., остяков — 578 чел., смешанных — 123 чел.» [Орлова, 1926:70].

В 1925 г. из 41 расположенного на Васюгане селения (т.е. без учета находившихся на берегах двух крупных притоков Васюгана рр. Нюрольки и Чижапки) 18 селений были населены только русскими, 10 — только «остяками» и 13 имели смешанное население [Орлова, 1926:69]. На Чижапке в 1925 г. насчитывалось 14 населенных пунктов с общим числом жителей 166 чел., селения эти были весьма малы («больше, чем в 4 избы селений нет») [Орлова, 1928:69].

Расселение русских, которые к середине 1920-х годов «вкрапились по всему Васьюганью», вполне отражало основные пути их проникновения: в нижнем течении, в основном на его селькупском участке, оседали русские, попадавшие на Васюган с Оби, а в верхнем течении (выше юрт Айполовых) — переселенцы «с Тарской стороны». Между Летней Качармой и Айполовыми юртами количество русских было незначительно.

Однако в конце 1920-х годов произошло резкое изменение направления, по которому в бассейн Васюгана попадало русское население. Основным путем проникновения становится прямой путь с «Тарской стороны» через Васюганское болото в верховья рр. Васюгана, Черталы и Чижапки. К 1933 г. число населенных пунктов на Васюгане удвоилось по сравнению с 1925 годом. «Общая» (т.е. без учета спецпереселенцев) численность населения составляла 3546 чел., из которых русских было 2655 чел., а «туземцев» — 891 [НА ТОКМ, оп. 3, д. 209, лл. 163, 165].

Радикально менялся национальный состав населения: уменьшение доли «уроженцев района» происходило не только по причине притока на Васюган значительного количества русских из соседних районов, но и потому, что «в результате вселения в басс. р. Васюган значительного количества хозяйств спец-переселенцев [...] значительное количество туземных хозяйств переместилось в Остяко-Вогульский округ, Александровский и Тымский районы, таким образом ликвидировался ряд туземных поселков (юр. Н-Сологичи, Пернянгины, Карауловы и др.)» [НА ТОКМ, оп. 3, д. 213, л. 8].

Авторы «Проекта землеустройства» констатируют в «последние годы [...] чрезвычайно большую подвижность населения», вызванную «бурной колонизацией края, идущей как по линии стихийного, так и специального переселения». «Туземное население Васюганского, Наунакского и Калганакского туземного сельсоветов, в первом целиком, а во втором и третьем в значительной мере, двинулось на территорию туземных Нюрольского и отчасти Чежанского туз. советов» [НА ТОКМ, оп. 2, д. 209, л. 162].

Совершенно иначе, чем на Васюгане, складывалась этнодемографическая ситуация в бассейне Тыма (правобережная часть современного *Каргасокского района*), который в гораздо меньшей степени был затронут политикой спецпереселения.

Приток селькупов в бассейн Тыма, начавшийся еще в конце XIX в. [Орлова, 1928:41], стал особенно заметным после эпидемии тифа в 1921 г., в результате которой полностью вымерли 37 селькупских хозяйств (для сравнения: в 1911 г. их было 76). Опустевшие угодья стали занимать выходцы с Оби: к 1927 г. они составляли уже почти половину «остяко-самоедского» (т.е. селькупского) населения бассейна Тыма [ЦДНИ ТО, ф. 607, оп. 31, д. 623, л. 21].

Е.Н. Орлова описывает два реализовавшихся параллельно варианта заселения бассейна Тыма. Часть нового населения формировалась за счет промысловиков, остававшихся на Тыму на жительство. Другую часть новых поселенцев составляли обские селькупы: «Далеко не все туземцы, заселяющие берега Оби, легко мирятся со стихийно наблюдающейся руссификацией, всегда кончающейся там не в их пользу. Нарушение туземного хозяйства влечет два следствия: более слабые национально идут в батраки, более сильные уходят в притоки, и для них Тым является естественным резервуаром» [Орлова, 1928:46].

Коллективизация и, в первую очередь, размещение с конца 1920-х годов большого количества спецпереселенцев на традиционных селькупских землях (по рр. Васюгану, Кети, Оби, Парабели и другим), а часто и непосредственно в поселках для многих семей стали поводом для переезда на Тым. В глазах селькупов повышалось миграционную привлекательность бассейна Тыма и то обстоятельство, что решением Томского окружного исполнительного комитета от 16 ноября 1927 года он был «закрыт для вселения» русских [ГАТО, ф. Р-195, оп. 1, д. 128, л. 14].

Постановлением ВЦИК РСФСР от 10 декабря 1932 года в составе Нарымского округа Западно-Сибирского края «в целях улучшения работы среди малых народов Крайнего Севера» был выделен «Тымский национальный (Хантэйский) район с административным центром в селении Напасс».

Из материалов землеустройства следует, что все селькупы, прибывшие в бассейн Тыма с территории современного Колпашевского района, осели в Напасском туземном совете (41 хозяйство *шоешкупов* и 2 хозяйства *сюсикумов* соответственно), где также значились 75 хозяйств *чумулькипов* и 2 хозяйства «незнающих своей

национальности туземцев» [НА ТОКМ, оп. 3, д. 208, л. 35].

Селькупское население остальных трех туземных советов состояло исключительно из *чумулькупов* [там же], установить места исхода которых по этим данным не представляется возможным, поскольку самоназванием *чумулькуп* пользовались не только тымские селькупы, но и «обитатели бассейнов Васюгана, Парабели и Оби в районе Нарыма» [Тучкова, 2004:19].

Е.Н. Орлова на основании изучения национального состава и характера занятий населения выделила в бассейне Кети три участка («отреза»), два из которых находились на территории современного *Верхнекетского района* Томской области.

Первый участок включал в себя шесть населенных пунктов от юрт Усть-Озерных до юрт Аргаусовых [Орлова, 1928:7—8]. И хотя в пределах данного участка проживали как селькупы, так и русские, там не было ни смешанных поселков, ни национально смешанных семей. На втором участке — от села Максимоярковского до деревни Мысовой — находились 14 населенных пунктов [Орлова, 1928:8]. Население здесь было смешанным, при чем было много уже и смешанных селькупско-русских семей. Единственным исключением являлась пристань Широкова, населенная только русскими.

В конце 1930-х — начале 1940-х годов заметное число селькупов выехало из приобской части современных *Колташевского и Парабельского районов* в бассейн Тыма. Однако в некоторых случаях селькупы, покинув свои юрты, не уезжали в Тымский район или в верховья обских притоков, а переселялись в более крупные селькупские поселки на Оби. Например, в конце 1930-х годов население покинуло поселок Киярово («не хотели вступать в колхоз»). Большинство жителей переехало в соседнее Иванкино [Тучкова, 1999:167—168].

В **Главе II. «Исторический контекст формирования современной этнической идентификации южных селькупов»** анализируются трансформационные процессы в селькупской среде, инициированные событиями первой трети XX в.

В **первом разделе «Расселение и численность южных селькупов во второй половине XX — начале XXI века»** рассмотрены изменения в расселении и численности южных селькупов, произошедшие в этот период.

Одним из факторов, существенно повлиявших на численность и демографическую ситуацию у селькупов в середине XX в., стала Великая Отечественная война 1941—1945 гг. В качестве примера можно привести сообщение информаторов, проживающих в селах Напас и Каргасок, о том, что из приблизительно 100 мужчин, призванных из Напаса в действующую армию в 1942 г., по окончании войны в район вернулись только двое [ПМА, 2001]. На основе анализа списков погибших и пропавших без вести жителей Томской области, А.Г. Тучков предпринял попытку определить минимальную численность военных потерь мужского населения применительно к селькупам. По его подсчетам, в течение 1941—1945 гг. погиб как минимум 491 селькуп [Тучков, 2002:41]. Если сопоставить эти цифры с общей численностью селькупов в предвоенные годы (от 3000 [Прокофьев, 1935:4] до 4660 чел. [Соколова, 2004:318] по разным оценкам; численность мужчин и женщин в виду отсутствия точных данных принимается примерно равной), то становится очевидным, что война унесла жизни не менее одной пятой (одной третьей для оценки Г.Н. Прокофьева) всех мужчин-селькупов, причем более 40 % погибших — в возрасте от 21 года до 35 лет [Тучков, 2002:43].

Таким образом убыль мужчин за время Великой Отечественной войны

создала к середине 1940-х годов демографическую ситуацию, обратную существовавшей в начале XX в.: число женщин среди селькупов существенно превысило число мужчин. В бассейне р. Тыма такое положение сохранялось в течение довольно длительного времени. Например, по данным на 1 января 1960 г. в Каргасокском сельсовете проживали 42 мужчины и 63 женщины из числа «народностей Севера», в Усть-Тымском соответственно 63 и 82, в Напасском — 115 и 137, в Кулеевском — 35 и 80 [ЦДНИ ТО, ф. 607, оп. 1, д. 3100, лл. 52—53], что создавало объективные предпосылки для дальнейшего развития тенденции к заключению национально-смешанных браков.

В § 1. «Южные селькупы в конце 1950-х — 1960-х годах» кратко охарактеризованы изменения в расселении и хозяйственной деятельности селькупов, последовавшие вслед за ликвидацией Тымского туземного района.

В 1949 г. Тымский национальный район был ликвидирован [ГАТО, ф. Р-829, д. 134, л. 30], а его территория вошла в состав Каргасокского района. И хотя в официальных документах это никак не объяснялось [Марков, 1996:132], одной из фактических причин ликвидации района послужил «недостаток [селькупского — К.Ш.] мужского населения» [Тучков, 2002:44]. Ликвидация района повлекла за собой выезд многих селькупских семей за пределы бассейна Тыма и современного Каргасокского района в целом. Часть покинувших бассейн Тыма селькупов переселилась в поселки, расположенные на Оби, часть — в города Томск и Колпашево [ЦДНИ ТО, ф. 607, оп. 31, д. 623, л. 22]. Необходимо отметить, что, покидая территорию бывшего Тымского района, многие селькупы переселялись не в места традиционного расселения той этнолокальной группы, к которой принадлежали они сами или кто-либо из их родителей.

В конце 1950-х годов начался демонтаж системы спецкомендатур Сиблага в бассейне Васюгана, что в последствие привело в радикальному сокращению населения Каргасокского района за счет выезда большей части бывших спецпереселенцев. В результате этого процесса, с одной стороны, уменьшалась нагрузка на традиционно использовавшиеся коренным населением промысловые угодья, с другой стороны, вместе с комендатурами ликвидировались и обслуживавшие их инфраструктура, транспорт и связь.

В 1958 г. на территории современного Каргасокского района проживали 1014 селькупов, причем большая часть их была сосредоточена в нижнем течении Васюгана (включая крупные притоки) и на Оби вблизи районного центра и в самом Каргаске [Соколова, 2004:табл. II]. В верхнем течении Васюгана проживали только 2 чел., которых З.П. Соколова отнесла к числу селькупов [там же], основную массу коренного населения, как и в конце XIX в., составляли ханты.

В конце 1950-х годов происходило увеличение численности селькупов в *Верхнекетском районе*: с 299 чел. в 1956 г. до 341 — в 1958 [Соколова, 2004:325]. Вероятно, это отчасти может объяснено переселением в Томскую область нескольких семей селькупов с территории Маковского сельсовета Енисейского района Красноярского края [ПМА, 1999, 2001].

В целом для описываемого периода характерно уменьшение числа населенных пунктов за счет ликвидации мелких поселков в верховьях рек, ставшее следствием политики укрупнения. Переселяясь в большие села (Напас, Молодежный, Степановка, Новый Васюган, Саровка и др.), селькупы оказывались оторванными от прежних рыболовных и охотничьих угодий.

В § 2. «Южные селькупы в материалах переписей населения 1979, 1989 и 2002

годов» дана краткая характеристика статистических данных, содержащихся в опубликованных итогах указанных переписей.

В § 3. «Демографическая динамика» представлены сведения о расселении и численности южных селькупов с 1979 по 2006 год, а также данные о современной демографической динамике, характеризующие естественное воспроизводство у селькупов.

В конце XX — начале XXI в. продолжается начавшийся ранее процесс стягивания селькупов из отдаленных поселков в крупные населенные пункты, в том числе в районные центры. Параллельно с этим с середины 1980-х годов отчеты районных отделов статистики фиксируют рост численности селькупов и КМНС в целом. В 1986 г. в Каргасокском районе насчитывалось 453 селькупа, а к 2003 их стало уже 862; в Колпашевском районе численность селькупов возросла соответственно с 75 до 165 чел.; в Верхнекетском — с 121 в 1987 до 153 в 2001 г.; в Парабельском — со 193 в 1987 г. до 237 в 2002. Всего переписью населения 2002 года в Томской области учтены 1787 селькупов (в 1989 г. — 1347).

Делается вывод о несоответствии темпа увеличения численности селькупов наблюдаемому у них естественному приросту населения и необходимости «недемографического» подхода к анализу данного процесса.

В § 4. «Смешанные браки» представлены статистические данные о браках южных селькупов в XX в., в том числе и с представителями других народов.

Первая треть XX в. представляется чрезвычайно важным периодом для понимания этнических процессов, протекавших в среде южных селькупов в последующие десятилетия. В это время изменились не только структура расселения и хозяйственный уклад большей части селькупов, но и традиционные нормы, регулировавшие заключение браков. К этому периоду Л.Т. Шаргородский относит и столь важное для последующей этнической истории селькупов явление, как прорыв эндогамии. По его подсчетам, сделанным по опубликованным Г.И. Пелих данным, в конце первого десятилетия XX в. уже 24,5 % всех браков селькупы заключали за пределами своих эндогамных групп, т.е. с селькупками из других эндогамных групп, хантами, эвенками, русскими и другими [Шаргородский, 1994:26]. Однако сама Г.И. Пелих интерпретировала эти данные совершенно иначе. На основании изученных ею метрических книг церковей Нарымского края она сделала вывод о том, что 1325 из 2156 [Пелих, 1962:183] (т.е. 61,5 %) отраженных в них браков с участием селькупов заключены по правилам кольцевой связи, степень сохранности которой у различных групп селькупов составляла от 33 % до 71 % [Пелих, 1962:182]. 24,5 % всех браков селькупов составляют браки, заключенные не просто в нарушение данных правил (с селькупками других этнолокальных групп), но и с представителями других национальностей. Следуя и далее логике этого расчета, можно предположить, что оставшиеся 14 % всех браков селькупы заключили с представителями своих эндогамных групп, но с нарушением правил кольцевой связи. Ни Г.И. Пелих, ни Л.Т. Шаргородский не указывают, какая часть из упомянутых 24,5 % браков была заключена селькупками с представителями других этнических групп.

Распространению смешанных браков способствовало не только проживание селькупов и русских в одних и тех же или соседних населенных пунктах, но и сложившаяся на рубеже XIX и XX столетий во многих селькупских инородческих волостях демографическая ситуация, характеризовавшая существенно большей долей мужчин в общей численности населения, чем женщин: в 1897 г. в 15 из 24 инородческих волостей Нарымского края и 5 волостях за его пределами переписью

зафиксировано именно такое положение дел.

Легкость вступления селькупов в смешанные браки в уже в конце XIX — начале XX вв. может быть объяснена несколькими факторами помимо уже упоминавшегося дисбаланса полов в части селькупских волостей.

Одна из весьма значимых причин заключается в самой селькупской культуре, точнее, в правилах, регулировавших выбор брачных партнеров. Хотя Е.Д. Прокофьева [Прокофьева, 1952] и Г.И. Пелих [Пелих, 1962] весьма по-разному описывают эндогамные объединения селькупов, их описания экзогамных отцовских родов в значительной степени совпадают.

По имеющимся описаниям можно предположить, что действовавшие у селькупов брачные нормы были значительно более разработаны и осознаваемы населением в части маркировки тех, кто не мог быть брачным партнером данного лица, нежели в части указания предпочтительных брачных партнеров. В такой ситуации чужаки, в силу очевидных причин находящиеся вне селькупской системы родов, естественным образом относились к числу допустимых брачных партнеров [Прокофьева, 1952:106—107].

К середине 1920-х годов на территории современной Томской области остался лишь один ареал, где было достоверно зафиксировано отсутствие смешанных браков и даже смешанных поселков — это выделенный Е.Н. Орловой участок верхнего течения р. Кети между Усть-Озерным и с. Максимоярским, на котором располагались 5 «чисто туземных» селений (12 хозяйств) [Орлова, 1928:7—8]. В остальных местностях, включая бассейн р. Тым, где в конце XIX в. вообще не было русского населения, а в 1911 г. отмечено лишь одно русское семейство (3 чел.), селькупы уже проживали совместно с русскими.

В смешанные браки с русскими наиболее часто вступали селькупы, жившие в поселках у берегов Оби, где была сосредоточена и большая часть русского населения. Е.Н. Орлова также отмечала большое количество селькупско-русских браков на Васюгане, куда к середине 1920-х переселялись селькупы из приобских поселков [Орлова, 1926:69].

Еще одним центром интенсивного межэтнического взаимодействия стал Тымский туземный район, территория которого после эпидемии тифа в 1921 г. в значительной мере осваивалась заново, в том числе и промысловиками-селькупами (в большинстве своем мужчинами без семей) с Васюгана, Оби, Чаи и из других мест, «это сезонное население в дальнейшем дает контингент постоянных жителей окраине» [Орлова, 1928:46]. Массовое же вселение селькупских семейств в бассейн Тыма до организации туземного района отмечено только в 1930 и 1931 годах (54 и 35 семей соответственно) [НА ТОКМ, оп. 3, д. 208, л. 37об.].

По подсчетам В.И. Васильева, «в 1932—1950 годах по четырем сельским советам Тымского национального района было зарегистрировано 62 смешанных брака селькупов, хантов и других народностей Севера с русскими и представителями иных этнических групп переселенцев, что составило 62 % от общего числа браков представителей коренного населения за этот период».

В 1958 г. З.П. Соколовой были собраны весьма подробные сведения о брачных связях селькупов, хантов и эвенков Томской области. По материалам похозяйственных книг ей были учтены 502 брака с участием коренного населения, среди которых не были смешанными 302 брака (60 %) [Соколова, 2004:329]. Однако для селькупской выборки этот показатель составляет 49,3 %, что заметно ниже, чем в целом для коренного населения. Относительно благополучная общая картина

складывалась за счет значительно большего количества моноэтнических браков у хантов (64,4 %) и эвенков (72,6 %).

Процессы ассимиляции, были наиболее интенсивны на Оби, где смешанных и моноэтнических браков было примерно поровну, и в Верхнекетском районе, где доля смешанных браков достигала 75 %. Только в Каргасокском районе доля моноэтнических браков у селькупов несколько превышала общий уровень и составляла 67,7 %. Даже оставляя без должного ответа вопрос о том, чем же «на самом деле» являлась сформировавшаяся в начале XX в. у мужчин-селькупов «ориентация на русских жен» [Тучкова, 1995:92], можно с уверенностью говорить об окончательном прорыве эндогамии в его середине.

Во **втором разделе «Хозяйство»** рассматриваются изменения в хозяйстве селькупов, произошедшие на протяжении XX в.

По данным обследования 1910—1911 гг., охотничьим промыслом было занято только 77 %, а рыболовным 90 % туземных хозяйств Нарымского края [ГАТО, ф. 480, оп. 1, д. 2, л. 74]. Авторы «Окончательного проекта землеустройства бассейна реки Васюгана» указывали на отсутствие специфически рыболовецкого населения, так как этим промыслом занимаются практически все, уточняя однако, что «рыбный промысел в условиях Васюгана является второстепенным занятием, не превышая 15—20 % по удельному весу в экономике отдельных сельсоветов» и «это же население занимается и охот-промыслом, и сельским хозяйством, лесным промыслом и т.д.» [НА ТОКМ, оп. 3, д. 209, л. 362].

Необходимо отметить, что рыбный промысел, не являвший опорой экономики сельских советов, был, тем не менее, основой жизнеобеспечения «остяцких» — селькупских и хантыйских — семей. С точки зрения органов государственного управления, экономически наиболее эффективным представлялось развитие пушного промысла на территориях традиционного расселения «туземцев», для чего были созданы промыслово-охотничьи станции (Катальская в бассейне Васюгана и Тымская в верховьях Тыма) и организован прием пушнины в колхозах. В конце 1950-х годов колхозы были реорганизованы в промхозы.

Одновременно предпринимались усилия по изменению хозяйственного уклада «туземцев» путем популяризации среди них таких новых на большинстве территорий (за исключением приобских населенных пунктов) занятий, как животноводство и огородничество.

К концу XX в. большинство селькупских семей имели огороды разной степени ухоженности, многие держали скот, некоторые — птицу.

В **третьем разделе «Языковая ситуация»** рассматриваются вопросы функционирования селькупского языка и элементов традиционной культуры в связи с происходившими изменениями в системе расселения селькупов на территории современной Томской области.

Переписью 1897 г. зафиксировано, что на рубеже XIX—XX вв. основная масса южных селькупов (4015 из 4820 чел., т.е. 83 %) назвала в качестве родного языка остяцкий. Основная масса говорящих по-селькупски была расселена в бассейнах Тыма, Кети, Васюгана и других обских притоков. Например, по данным обследования 1911 г. на Тыму не было ни одной «туземной» семьи с членами, хорошо говорящими по-русски, но к 1927 г. ситуация кардинально изменилась: «сейчас все туземцы на Тыму говорят по-русски» [Орлова, 1928:45—46].

Переселение значительных групп селькупов из мест традиционного

проживания привело к появлению селькупских поселков, населенных носителями разных диалектов, взаимопонимание между которыми нередко было затруднено. Особенно это было характерно для Тымского туземного района. Поскольку эти поселки существовали не изолированно, а были включены в систему советского и колхозного строительства, в той или иной мере охвачены системой школ для взрослых с обучением на русском языке, а также школ-интернатов (обучение на селькупском в Тымском районе было введено в виде эксперимента и прекращено из-за отсутствия учительских кадров), появившихся в Среднем Приобье в начале 1930-х годов, их обитатели были вынуждены использовать русский язык как при общении с приезжими русскоязычными специалистами, руководителями местных предприятий, так и при общении с селькупами, говорившими на наиболее трудно понимаемых диалектах.

Распространение смешанных селькупско-русских браков также явилось дополнительным стимулом для перехода селькупов к использованию русского языка в быту: если, по свидетельству информаторов, в конце XIX — начале XX в. русские жены селькупов перенимали «остяцкий» язык в быту, то к 1930-м годам ситуация сменилась на противоположную.

В Главе III. «**Культурный и политико-экономический аспекты современных трансформаций этнической идентификации**» на основе объединения подходов, использованных в предыдущих двух главах, рассматривается современная (конец XX — начало XXI в.) этническая самоидентификация южных селькупов.

В первом разделе «**Термины официальной идентификации**» представлены в исторической последовательности все термины, использовавшиеся органами власти для обозначения южных селькупов в различных документах на протяжении всего рассматриваемого в диссертации периода времени.

Анализ источников и литературы, содержащих не только описательные сведения, но и количественные данные, позволяет сделать вывод о том, что критерии отнесения лиц к категории туземного (коренного) населения и внутри нее к осякам, остяко-самоедам и селькупам менялись в течение XX в. неоднократно.

Анкета Всероссийской переписи населения 1897 года не содержала вопроса об этнической принадлежности (национальности) [Патканов, 1912:III]. Сведения о национальности инородцев, приводимые С.К. Паткановым, были получены им на основании ответов на вопрос о родном языке и анализа дополнительной информации. В таблицах по Томскому и Енисейскому округам С.К. Патканов использует наименование *остяко-самоеды* либо *самоеды (остяки)* для различения селькупов и *остяков угорских* (хантов) и *енисейских остяков* (кетов) соответственно [Патканов, 1911]. При рассмотрении же национального состава населения Сургутского округа он использует наименования *остяки* и *самоеды* без каких-либо уточнений.

В число задач произведенного в 1910—1911 годах статистической партией Томского переселенческого района статистико-экономического обследования Нарымского края не входило выявление национального состава населения [Нагнибеда, 1927:I], для деятельности администрации более существенной была информация о его сословной принадлежности. Поэтому в итоговом документе обследования все население Нарымского края было сгруппировано по сословиям (мещане, крестьяне, инородцы) и по сроку проживания в данной местности (старожилы, новоселы), а населенные пункты были поделены на русские и инородческие. Однако следует отметить, что руководитель и исполнители

обследования были осведомлены о неоднородности этнического состава инородцев, которых в написанном в 1927 г. предисловии в.Я. Нагнибеда именовал уже *туземцами* в соответствии в установившейся к тому времени терминологией [там же, II].

М.Б. Шатилов, посещавший окрестности Нарыма в 1924 г., называл хантов *остяками*, а селькупов *самоедами* и *остяко-самоедами*, и опять же *остяками* [Шатилов, 1927]. В очерках Е.Н. Орловой коренное население в целом именуется *туземцами*, среди которых различаются по мере необходимости *остяки*, совокупно противопоставляемые по образу жизни *тунгусам*, затем уже внутри этой группы различаются *остяко-самоеды* и *васюганские остяки* [Орлова, 1926, 1928].

Переписью населения 1926 года в Сибирском крае были учтены 7980 *остяков* и 1595 *остяко-самоедов*, из которых в Томском округе числились лишь три (!) человека. Очевидно, что южные селькупы и ханты, по-русски одинаково именовавшиеся и именовавшие себя *остяками*, были объединены в общую категорию переписного учета. В качестве *остяко-самоедов*, за исключением упомянутых трех человек, учтены представители северной группы селькупов.

Авторы проектов землеустройства начала 1930-х годов называют коренное население в целом *туземцами*, при необходимости различая среди них *остяков* и *ивенков* (эвенков). На Кети и особенно на Тыму землестроители фиксируют наличие среди *остяков* групп с различными самоназваниями (*сюсикум*, *шоешкуп*, *чумулькуп/чумал-гун*). На Васюгане они, напротив, не различают селькупов и хантов, собирательно называя их *туземцами* и *остяками*.

Все эти наименования и различия, однако, никак не отразились на деятельности органов власти, как центральных, так и местных, руководствовавшихся, как следует полагать, результатами переписи населения. Следствием этого, вероятно, надо считать объединение южных селькупов и хантов под названием «народа *хантэ (остяков)*, обитающих в бассейнах рек Васюгана и Тыма» (курсив мой — *К.Ш.*) [НА ТОКМ, оп. 3, д. 197, л. 1а], а также наименование созданного в конце 1932 года Тымского национального района *хантэйским* [там же, л. 2а].

В документах Нарымского окрисполкома встречается наименование *туземцы (старожилы Сибири)* [ГАТО, ф. Р-193, оп. 1, д. 139а, лл. 4—5; ф. Р-588, оп. 1, д. 138, л. 4], употреблявшееся в качестве более широкого понятия, чем *туземцы-остяки*, охватывавшего не только селькупов и хантов, но и *туземных татар* (в терминологии С.К. Патканова — *коренных тюрок*).

Следует отметить, что В.И. Васильевым также было зафиксировано употребление упоминавшихся выше названий *чумалгун*, *чумол-куп* и других, созданных на основе самоназваний локальных групп селькупов, в актовых записях Каргасокского районного отдела ЗАГС в первой половине 1930-х годов в основном «применительно к молодым семьям и молодым людям» [ЦДНИ ТО, ф. 607, оп. 31, д. 623, л. 29]. Во второй половине 1930-х годов этнические самоназвания в качестве национальной принадлежности коренных жителей бассейна Тыма вновь исчезают из официальных документов. Их заменяют прежние термины „остяк“, „туземец“ (встречаются варианты „остяк-туземец“ и „туземец-остяк“)» [там же].

В 1934 г. в Нарымском округе по данным Окрисполкома насчитывалось около пяти тысяч *остяков*, в число которых включались как селькупы, так и ханты [Прокофьев, 1935:4]. К концу 1950-х годов ситуация не изменилась: в 1958 г. З.П. Соколова обнаружила, что в похозяйственных книгах большинства сельсоветов

селькупы и ханты значатся под общим наименованием *остяки*. В Парабельском сельсовете (Парабельский район) селькупы были записаны *туземцами*, так же как и ханты в Александровском сельсовете (Александровский район) [Соколова, 2004:317].

По настоящее время сохраняется практика отнесения местных вариантов наименований и самоназваний этнических групп к «правильным» и «неправильным» на основании присутствия их официальных перечнях и типовых формах государственной статистической отчетности. Все отсутствующие в таких документах, но по каким-либо причинам попавшие в отчеты сельских администраций, варианты, приводятся районными отделами статистики к «правильному» виду. Как правило, лиц «неправильных» национальностей причисляют к селькупам как к наиболее многочисленному КМНС в Томской области.

Всего за период с 1986 (более ранние сведения в районных архивах обнаружить не удалось) по 2003 год выявлено 22 случая исправления первичных данных о численности КМНС сотрудниками районных отделов статистики. Впервые исправления встречаются в отчетах сельских Советов, поданных в 1987 г. Так, в отчете Копыловского сельсовета Колпашевского района народы Севера были представлены двумя *селькупами* и двумя *остяками* [АО АКР, ф. 11, оп. 1, д. 745, л. 43—43об.], однако в Колпашевском городском отделе статистики запись об *остяках* была вычеркнута, а численность селькупов увеличена до шести человек.

В 16 случаях из 22 к числу селькупов механически были добавлены *остяки* (12 случаев), *юганцы* (4 случая), *карагазы* (2 случая) и даже *тунгусы* (1 случай). При этом следует отметить, что районные отделы статистики ни разу не отнесли *остяков* и *юганцев* к числу хантов.

В шести случаях появления непредусмотренных утвержденным перечнем наименований этнических групп районные отделы статистики проигнорировали предоставленные сельскими советами/администрациями данные. По два раза были исключены из статистических отчетов *карагазы* в Верхнекетском районе и *юганцы* в Каргасокском. Также в Каргасокском районе не вошли в отчеты *тунгус* и *кумандин*.

Наиболее очевидно механический характер исправления «неправильных» первичных данных проявляется в Каргасокском районе, где помимо селькупов проживают более двухсот хантов и около тридцати эвенков, а «неправильные» наименования этнических групп используются в отчетах именно тех сельских администраций, на территории которых проживают как селькупы, так и ханты: «если живые люди не помещались в таблицу, вопрос решался не в пользу людей, а в пользу таблицы» [Вахтин, Головкин, Швайтцер, 2004:84].

Общая численность селькупов в Томской области, по данным переписи 1979 года, составляла 1250 чел.

Во втором разделе «**Выбор национальности**» объединены три параграфа, посвященные терминам этнической идентификации современных южных селькупов, анализу льгот в качестве элемента идентификации и репрезентации селькупов в качестве КМНС.

В § 1. «*Термины этнической идентификации южных селькупов*» рассмотрены термины, в которых формулируется идентификация южных селькупов, существенное влияние оказывают как процесс их этнической консолидации, формирования среднеобского селькупского «субэтнуса» [Шаргородский, 1994:99], так и все более существенная ассимиляция численно преобладающим русскоязычным населением. Последней значительно способствует как традиционная дисперсность расселения

селькупов на территории Томской области, так и сложившаяся к концу XIX — началу XX в. ориентация на преимущественное заключение браков с русскими [Тучкова, 1996:89; Тучкова, 1997:208; Шаргородский, 1994:100; ПМА, 1999, 2000]. К настоящему времени смешение южных селькупов с русскими достигло такой степени, что по своему физическому облику многие представители послевоенных поколений уже мало чем отличаются от русских, проживающих в той же местности. Это обстоятельство дает основание некоторым исследователям считать томских *остяков* одной из этнографических групп русских на Средней Оби [Аксянова, Шпак, 2000; Хелимский, 2000].

Термин *остяк* в настоящее время утвердился в качестве самоназвания среди большинства селькупов Томской области независимо от принадлежности к различным этнотерриториальным (диалектным) группам. Самоназвания этих групп (*сюсюкум*, *шёшкуп*, *чумылькуп* и др.) можно считать практически вышедшими из употребления в связи с уменьшением числа носителей диалектов и общеупотребительностью термина *остяк* в разговорной речи.

Необходимо отметить, что термин *селькуп* большинство опрошенных мною в 1999—2003 годах томских селькупов не воспринимает в качестве самоназвания, полагая его книжным, «научным» или официальным. В отличие от него термин *остяк* употребляется не только в быту и разговорной речи, как того можно было ожидать, но и в учетных документах, актовых записях и т.д. Сфера исключительного употребления названия *селькуп* ограничена административным делопроизводством и статистическими отчетами (т.е. той документацией, в которой национальности указываются в соответствии с утвержденными «Списком народов Российской Федерации» и «Единым перечнем коренных малочисленных народов Российской Федерации»), а также документами и изданиями Ассоциации КМНС Томской области «Колта куп»⁶ (в неформальном разговоре ее активисты чаще называют себя и своих «соплеменников» *остяками*).

Этноним *селькуп* часто воспринимается как «внешний» — официальный, а в ряде случаев и как навязанный. Память о существовавшей в бассейне р. Тым до XVII в. группе с таким самоназванием утрачена, равно как и память о переселении части селькупов со среднего течения Тыма на Вах, а позже на Таз и Турухан в XVI—XVIII вв. [Долгих, 1960:79, 81—84; Прокофьева, 1952:92—93]

Связь между эндо-этнонимом (самоназванием на родном языке), самоназванием на русском языке, являющемся родным языком для значительной части южных селькупов, и официальным наименованием не всегда вполне очевидна. Примеров тому можно привести несколько, при этом необходимо отметить, что невозможно рассматривать вышеупомянутую этническую консолидацию южных селькупов в отрыве от их взаимодействия с русским населением региона, а также от деятельности АКМНС «Колта куп» и политического развития КМНС в целом.

В разделе § 2. «*Льготы как элемент идентификации*» предлагается вариант интерпретации роли льгот при «записи в остяки», т.е. при выборе национальности лицами, рожденными в смешанных семьях.

Льготы — неперенный мотив не менее двух третей всех интервью, собранных за время экспедиционных выездов в Томскую область. Практически любой разговор о проблемах КМНС так или иначе затрагивает тему льгот независимо от того, принадлежит информатор к коренному населению или нет.

6 Колта куп (*сельк.*) — обской человек

Информаторы, как русские, так и селькупы, в качестве основного мотива для «записи в остяки» называют получение непосредственной выгоды. Еще в 1961 г. З.П. Соколова в своей работе, написанной по материалам экспедиции 1958 г., так объясняла выбор селькупской национальности детьми в смешанных семьях: «...это объясняется в значительной степени тем, что представители коренного населения Севера пользуются рядом льгот (в образовании: бесплатное обучение и содержание в школах-интернатах, в медицинском обслуживании, налоговом обложении и др.)» [Соколова, 1961:50]. В 1988 г. руководитель Комплексной Селькупской экспедиции В.И. Васильев писал в докладной записке: «такой прикладной, если можно так выразиться, подход к определению своей национальности, тем не менее фиксируется во многих смешанных семьях с участием томских селькупов, да и не только селькупов». И далее: «...для определенной части молодежи [...] выбор национальности определяется не принадлежностью к этносу отца или матери, а возможностью получить те или иные льготы в различных сферах жизненной деятельности (внеконкурсное поступление в Вуз, первоочередное получение квартиры (в городских условиях), обучение детей в школе-интернате с государственной дотацией или полностью за счет государства и т.п.)» [ЦДНИ ТО, ф. 607, оп. 31, д. 623, лл. 30—31].

Однако, несмотря на предоставляемые представителям коренных народов льготы доля детей, «унаследовавших» в смешанных семьях селькупскую национальность, неуклонно снижалась все послевоенные годы [Шаховцов, Функ, 2000:320]. В качестве объяснения можно выдвинуть следующее предположение: в период экстенсивного развития на традиционных селькупских землях добывающих отраслей промышленности (лесной и нефтегазовой) сложились условия, при которых «социальный комфорт», обеспечивавшийся среди прочего и номинальной принадлежностью к русскому (или иному «большому») народу, воспринимался как большая ценность, нежели экономическая выгода от пользования льготами.

Резкое изменение в отношении к выбору родителями национальности детей в национально-смешанных семьях приходится на вторую половину 1980-х годов, т.е. на начало как «перестройки», так и осязаемых проявлений кризиса советской экономики. Еще в середине 1980-х, по данным Л.Т. Шаргородского, детей от смешанных селькупско-русских браков при рождении в основном записывали русскими [Шаргородский, 1994:100]. Лишь в 26,2 % случаев дети сохраняли национальность родителя-селькупа [там же, 68—69.]. Но подавляющее большинство детей, рожденных после 1986 года, уже записаны селькупами.

Имея, с одной стороны, четко выраженную экономическую мотивацию к получению льгот (точнее, к стремлению получить льготы), с другой можно наблюдать практически полное отсутствие экономической реализации льгот получаемых, что подтверждается многочисленными интервью. Таким образом, можно заключить, что *право* пользования льготами для КМНС у южных селькупов (а в Каргасокском районе, по крайней мере, и для части хантов) приобрело самостоятельное значение. Право на льготы для КМНС в некоторой степени стало синонимом или, точнее, признаком принадлежности к *коренным*, занимая в системе отличительных признаков/ориентиров современных селькупов место, которое занимали язык и физический облик в системе ориентиров предыдущего поколения.

В § 3. «Репрезентации в качестве КМНС: взгляды „изнутри“ и „снаружи“» собраны проанализированы высказывания информаторов, как принадлежащих к числу селькупов, так и «русских», об отличительных признаках селькупов как

народа.

Рассматриваются такие устоявшиеся формулы, применяемые селькупам для характеристики своего народа, как «остяк бедный, русский — богатый», «остяки — самый честный народ» и т.п. Также рассматривается понятие «традиционный образ жизни», представление о котором связано, в первую очередь, с занятием охотой и рыболовством. Формулировка «по национальности: остяк; род занятий: охотник и рыбак», появившаяся в 1930-е годы, сохраняет свою актуальность и в начале XXI в. При этом «национальная принадлежность» способов рыбной ловли и охоты давно уже не имеет определяющего значения, более важен удельный вес данных промыслов в реальном или символически воспринимаемом бюджете семьи.

При анализе «взглядов снаружи» рассмотрены стереотипные высказывания, характеризующие устойчивые представления «русского» большинства о селькупам и КМНС в целом. Во многих из этих высказываний используются характеристики, близкие по значению к тем, которыми селькупы описывают себя, но выражены они в форме, допускающей не только позитивное толкование. Например, в рассказах «русских» *честные* остяки предстают *простыми* и *наивными*, а их промысловые навыки объясняются присущим им *звериным чутьем*.

В **Заключении** дается краткий обзор основных положений исследования и подводятся его итоги.

В диссертационной работе была поставлена цель проанализировать процесс трансформации этнической идентификации южных селькупов в XX — начале XXI вв. В качестве точки отсчета при рассмотрении изменений в системе расселения и численности селькупов была выбрана первая Всероссийская перепись населения 1897 г., результаты которой, как и все более поздние статистические данные, были пересчитаны применительно к современному административно-территориальному делению Томской области.

Статистические и литературные данные конца XIX — начала XX вв. свидетельствуют о сложной и противоречивой природе процессов, протекавших в среде южных селькупов. Происходившие в это время под влиянием различных событий в России и, позже, СССР в целом глубокие изменения в их хозяйстве и культуре можно рассматривать как основу для дальнейших трансформаций этнической идентификации во второй половине XX в.

Анализ выявленных терминов официальной идентификации, применявшихся и применяемых в настоящее время по отношению к нарымским селькупам, позволил продемонстрировать, с одной стороны, сложность реальной этнической идентификации, а с другой, недостаточность официальных подходов к составлению перечней наименований народов и этнических групп.

Целостное рассмотрение современных культурных и политико-экономических аспектов трансформации этнической идентификации южных селькупов приводит к выводу о принципиальных изменениях в природе этнической границы между селькупам и их русскоязычным окружением, произошедших на протяжении XX в. В результате распространения смешанных браков и значительных аккультурации и ассимиляции селькупов из числа этнодифференцирующих факторов (признаваемых с как одной, так и с другой «стороны» этнической границы) выбыли язык, верования, различия в физическом облике, особенности материальной культуры (напр., костюм, жилище). Многие селькупские промысловые приемы были восприняты пришлым населением и утратили этническую специфику, селькупы же, будучи вовлеченными в советскую систему хозяйствования, перешли к использованию типового

снаряжения. В этих условиях возрастает значение таких факторов, как самосознание, историческая память и юридический статус КМНС. Ключевую роль приобретает индивидуальное решение о причислении себя к *коренным*, т.е. к селькупам, или к русским.

Список работ, опубликованных по теме исследования

1. Термины официальной идентификации южных селькупов (по материалам XX века) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, № 19. СПб., 2007. С. 55—59.
2. О современных процессах формирования этнической самоидентификации у селькупов Томской области // Этнография народов Западной Сибири (Сибирский этнографический сборник, вып. 10) / Отв. ред. Д.А. Функ, А.П. Зенько. М., 2000. С. 310—324. (в соавт. с Д.А. Функом)
3. Etnisk selvidentifikationsproces hos selkuperne i Tomsk oblast i nyere tid. // Infor, 2003. No.1. P. 14—20. (в соавт. с Д.А. Функом) *(на датском яз.)*
4. Being Selkup ... a matter of benefits? // Post-Soviet Transformations / Eds. H. Beach, D. Funk, L. Sillanpää. Uppsala, 2005. P. 19—25.
5. Особенности правового статуса как этнический маркер (пример южных селькупов) // Национальные ценности: традиции и современность. Материалы конференции молодых ученых. Москва, 15—16 декабря 2005 г. / Отв. Ред. М.Ю. Мартынова, С.В. Васильев. М., 2006. С. 227—232.
6. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М., 2006. С. 157—172.